

Р. Я. Рассудова

ЖЕЛТАЯ СОБАКА (К ИСТОРИИ ЭТНОНИМОВ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ СЫРДАРЬИ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА)

Кочевники Киргизии и южного Казахстана этноним «сарт» произносят *сары ит* и переводят как «желтая собака» (сообщение Ш. Лапина, преподавателя ташкентской школы).

«Желтой собакой» пренебрежительно называли кочевники-скотоводы сартов, то есть «оседлых» — сельчан и горожан, крестьян и ремесленников, торговцев. Так было еще в начале XX в. Это население занимало среднее северное побережье реки Сыр и юг Казахстана, Киргизию. А также места их проживания простирались и далее: от Арала и Хорезма на западе до Восточного Туркестана и Тарима (включая северную Индию) на востоке.

В начале XX в. это прозвище сартов нередко воспринималось как принижающее и оскорбляющее достоинство человека, называемые так люди иногда даже подвергались побоям. Потому *сарты* старались отказаться от своего древнего этнонима (началась такая тенденция еще в XIX в. в тех случаях, когда надо было обозначить его в различных госучреждениях, при переписях и т.д.). В конце концов они приняли и закрепили за собой одно из племенных названий — *узбек*. Политическая организация сартов стала называться Республика *Узбекистан*. Таким образом, народ сарты, насчитывавший до миллиона человек лишь в одной Фергане, «исчез».

В истории сарты оставались малозаметными. Даже в академическом издании истории народов Узбекистана за период от древности до XVII в. [История народов Узбекистана 1950] это слово даже не упоминается.

В XIX в. сарты открылись как бы вновь в результате этнографического изучения Среднеазиатского края, фиксации разнообразных материалов, полученных военными и административными чиновниками, ирригаторами, экономистами, востоковедами и специалистами. В исследованиях XX в. вопрос о сартах, к сожалению, не был актуальным, а статус сартов, особенно в ранние периоды их истории, до сих пор так до конца и не выяснен, как,

впрочем, и значение этого слова. И все же он остается в сознании людей и сейчас, но используется лишь в быту, чаще «тайно».

В 50-х годах XX в. мой интерес к определению «желтая собака» вызвало лечение сотрудницы этнографического отряда (АН УзССР) Якубовой в кишлаке Заркент. Здесь изучалась история коллективного хозяйства на основе древней системы орошения Исфайрамской (Ферганской) области.

Целительницей выступала женщина в возрасте 90 лет. Она происходила из «белого» подразделения населения *ак* рода *ходжа* (официально считалась сартянской, затем узбеккой). Ее род занимал в центре Ферганы многоводную лучшую часть, он встречался даже на реках Нарын и Тарим.

Отин-табиб, так к ней обращались, предварительно обозрела и обдула пациентку, помахала вокруг белым платком. Затем начала громко восклицать порицания недобрым взглядам мужчин и духам. Они, как считалось, витали в воздухе и на улицах и впивались в *открытого* (то есть физически и магически незащищенного) человека. Между тем в левой руке *отин* держала крепко зажатыми кусочек лепешки, соль и щепотку белой золы из печки. Затем этот самый кулачок она стала часто прикладывать к голове и лицу больной, к плечам и рукам, груди и спине, вплоть до пальцев ног. Одновременно вслух она приговаривала свои пожелания витающим кругом духам и недобрым взглядам (сглазу). Она желала им застревать в разрушенных глиняных стенах или, еще лучше, в колючих зарослях деревьев жигда (лох), дойти до безжизненных и безводных степей, где иссушались враги, где вернее всего найти смерть. На старых мельницах и в их испещренных камнях, приговаривала она, жизни тебе тоже не найти. Размельчишься в жерновах, превратишься в летучую пыль. И тогда всех вас легко унесет с собой **желтая собака**. Собаку она вызывала трижды. Заодно тут же она спешно предложила сидевшим в очереди на лечение матерям приблизить головы своих детей к печи. От этого, сказала она, их дети станут и закаленными, и послушными, как овцы.

Больная сотрудница действительно выздоровела безо всяких лекарств. Все присутствующие радовались успешному народному лечению.

Почему определение или прозвище «желтая собака» сохранили кочевники и обращали именно к сартам и именно на данной территории? Что оно означало? Возможно, вопрос прояснится благодаря экскурсу в историю края.

Здесь сарты были известны около трех тысяч лет тому назад, с VII–VI вв. до н.э. Тогда сартами назывались люди, занимавшиеся внешней торговлей. Этим подчеркивалось, что они были главными, первыми и лучшими ремесленниками среди других товарищей по профессии. Даже в начале XX в. такие понятия еще сохранялись официально, в Индии этих торговцев причисляли к «варварам», чужестранцам. Постепенно название «сар», «сарт» (ед. и мн. ч.) перенимали и люди других профессий, не только торговцы, пока так не стали именоваться весь народ, примерно к XIX в.

К древним современникам сартов, судя по разным источникам, включая Авесту, причисляли арьев, сайримов, дахов и туров. Все они относились к восточно-иранским племенам. Причем сайримы, дахи и туры считались ко-

чевыми племенами, и они противопоставлялись арям как оседлым скотоводам и земледельцам. К последним относились и сарты.

Перечисленные племена одновременно обозначались и иными, тоже обобщающими названиями — *сак-сак*, *массагеты* и другими, с их отдельными группировками.

Саки-массагеты также состояли из крупных групп: саки заречные — *тиай-тара-дарайя*, саки *хоумоварга* (*амюргии*), саки *тиграхауда* (они же *ортокарибанты*) и «саки за Согдом». Эти племена населяли территорию от Каспийского и Аральского морей, уходили к востоку — в Ташкентский оазис, на Ферганские реки Сыр, Нарын, Кара, Тарим за Кашгарией [История народов Узбекистана 150: 45–48, 52; История Казахской ССР 1977: 187–215, 218–221].

Саки селились в западной части Восточного Туркестана, на Тянь-шане и Памире, затем вокруг оз. Балхаш и р. Чу, Или. Наконец, они обосновались в части Ферганы, в Чаче. Здесь к сакам чаще применяли китайское название *юечжи*. Далее саки двигались в Персию, Афганистан, Индию и другие районы (под натиском гуннов, во II в. до н.э.). Одновременно *сак-юечжи* изменяли и местные топонимы, и свои этнонимы [Бонгард-Левин 1985: 82–161; 2001: 28–47, 185–199].

Даха обосновались в Туркменистане. К востоку от даха массагеты проходили по северу Каракумов и до низовья Амударьи, возможно, и Сыра. Массагеты (местное население) в китайской транскрипции — те же *да юечжи*, великие юечжи.

Саки-*тиграхауда* располагались на территории Чача, Киргизии и южно-го Казахстана. У озера Балхаш они теснились с *усунями*-кочевниками.

Эти саки, «не лишенные культуры», были отделены от «саков за Согдом» рекой Яксарт, иначе Сыр, Сырдарьей.

Саки-*хаумаварка*, или *амюргии* (V в. до н.э.) и *париканы* также селились в древней Паркана (Фергане), частично на Памире и по р. Мургаб. Согдийцы, саки, «саки за Согдом» сопоставлялись обычно с хорезмийцами и бактрийцами. Они считались самыми древними и культурными народами Средней Азии. Согдийцы действительно рано перешли к оседлым формам жизни, что показывает археологический период низовьев р. Зеравшан.

В отношении саков, как и многих других народов, этнонимы постоянно изменялись, в употребление входили то греко-латинские, то тюркские и китайские и другие их названия. В результате саки окончательно «исчезли» под разными местными названиями, произошло это к началу новой эры (под наступлением гуннов).

За саками здесь следовали кангха, паркана, тохары-кушаны, затем — эфталиты или белые хунны-хиониты. В VI в. Средняя и Центральная Азии вошли в единое кочевое государство — тюркский каганат (наряду с племенами Алтая.). Тюрки включали множество племен и родов Восточного Туркестана и Семиречья. В западной части каганата (в Средней Азии) главными племенами были *нушеби* (р. Чу, Талас), *дулу* и *тюргеши* (р. Или, Чу). В этот период тюркский глава — *ябгу* — со ставкой проживал в бывших усуньских владениях. В каганате VI–VII вв. усиливалось «земельное дехканство» и ку-

печество, выходцы из той же земледельческой аристократии. Торговля уже широко распространилась на внутренние центры, и те, кто ею занимался, принимали престижное название *сар* («глава», сарт — «главы»). С торговлей росло и число зависимых *кедиверов* [История Казахской ССР 1977: 171–175, 264–274, 284, 309, 321–380, 382–433; История Народов Узбекистана 1950: 42–122, 132–136, 140–152 и др.].

В VII в. господство тюрков сменилось арабским, оно же затем — иранскими династиями, далее — периодом монгольских правителей. Наконец установилась власть трех узбекских племен в трех государственных образованиях (XIX в.). Эта власть сменилась российским правлением. В XX в. установилась советская и та же узбекская (или казахская) власть, но под опекой русских, армянских и еврейских, даже корейских представителей на местах.

На всем протяжении истории сменялись различные династии. Несмотря на войны и враждебные отношения, они нередко находились между собой в родстве. Браки заключались между враждующими сторонами для прекращения войн и закрепления мира.

Все эти изменения и смены династий имели большое значение для истории и хозяйствования в данном крае, для перемен этнического образа жизни его населения, религиозного мировоззрения и культов. Политические взаимоотношения характеризовались постоянными войнами за территории, имущество, скот, пленением людей (в том числе детей), убийством врагов, включая и находящихся среди них родственников. Особенно ожесточенны и постоянны были войны саков, юечжийей (европеоидов) и усуней. Тем не менее, несмотря на все обстоятельства, многие народы как-то все же сохраняли свои древние традиции.

Саки-массагеты в соответствии с природными условиями находились на разных уровнях хозяйственного и культурного развития. На равнинах они обычно занимались гончарным, строительным и ювелирным ремеслами. В горных местах — разработкой недр, а также ткали и раскрашивали шерстяные нити и ткани. Одновременно вели охоту, многие еще и торговали.

Торговцы, ведшие свое дело морским и сухопутным путем (от Хамадана, Мерва — в Сибирь, на Алтай), то есть вне Средней Азии, сначала назывались сартами. При наличии рек и оросительных сооружений на каждой территории применялись различные формы земледелия. Ведущим способом земледелия, обработкой почвы являлись вскапывание и вспашка. Применялось искусственное орошение — и наземное, и подпочвенное (Хорезм, места каракалпакских поселений). Существовали и два вида поливов с учетом периодов дождей.

Скотоводством занималась кочевая часть населения; позднее и оседлая. Разводили крупный рогатый скот, овец, лошадей и верблюдов, свиней и домашнюю птицу. Специально осуществлялось и разведение собак [История Народов Узбекистана 1950: 149, 153; Бонгард-Левин 2001: 39–40]. Собаки использовались на охоте, для охраны жилища и имущества, в первую очередь домашнего скота. Особенно усиленно разводили рыжих собак, отличавшихся злым нравом. Их использовали и в обрядах захоронения — для предварительного поедания плоти покойника [История народов Узбекистана 1950: 5,

472]. В мифологии находится соответствие подобным существам (ср. *кумай*, мифическая собака, пожиравшая всех зверей).

В литературе о Средней Азии не отмечается особой привязанности человека к собаке. В древности она не считалась чистым животным, ее не приносили в жертву. Однако собака получала некоторые почести.

Жрец Юпитера, покровителя четверга, сторонился собак, не прикасался к ним. Он, воплощая священный образ бога, должен был быть доступен всем нуждавшимся, потому не держал собак, чтобы они не отпугивали приходящих от его дома. И в XX в. считают, что Юпитер охраняет женатых мужей, в частности при исполнении обязательных супружеских обязанностей. Так думают многодетные мужья, отцы. Жрец Юпитера в былые времена сопровождал мужей к их женам, когда они покидали для этого свой общий мужской дом. Общий дом занимала неженатая молодежь Маргелана, Риштана, Заркента, Гава и многих крупных селений Самарканда (XX в.).

В период авестийского зороастризма существовало поклонение стихиям: огню, воде, земле и воздуху. От планет и животных вели свое происхождение разные племена, символически определялись формы деятельности человека, вредные и полезные. Из последних со временем сложилось семь знаменитых святых, покровительствующих основным видам деятельности в жизни общества, ремеслам. В исламе они сохраняются под арабскими именами. Места их поклонения находятся вокруг старых «тысячедомовых» селений (ферганские Заркенты, Арабхона, Бурбалык, Яйпан, ташкентские Газалкент и Бурчмола, Басткат (Пскент), самаркандские районы Пастдаргом, Мианкол и другие).

Култ космических тел в зороастризме предписывал все держать в чистоте; не осквернять мир: не хоронить, не сжигать, не бросать в воду покойников, они — добыча злого Ахримана. Поэтому тела можно было выносить лишь на каменистые холмы *дахма*. Здесь кости постепенно очищались дождем и ветром, иссушались солнцем. Помимо этого на дахма специально допускали собак для съедения тел. Разведением собак занимались саки, прежде всего юечжи. По истечении определенного времени кости собирали и держали при домах в специальных ящиках *астоданах*. Этот способ захоронения был распространен особенно в местах проживания сартов, то есть саков-юечжи: в Хорезме, Чач-Ангрене, Фергане. С возвышением арабов и саманидов в Средней Азии в X–XII вв. вместе с утверждением мусульманских обычаев подобные захоронения стали редки, а главное — все реже стали использовать в качестве могильщиков собак [История народов Узбекистана 1950: 5–123, 149–152].

Размещение захоронений на дахма проводилось огнепоклонниками и позже, но уже ограниченно и лишь до полного утверждения ислама.

В наше время подобные коллективные захоронения нам пришлось встретить несколько раз за период с 1960 по 1986 г. В одном случае кости и тела помещались открыто на слоях циновки, дабы отделить их от почвы, не дать коснуться земли. Но никаких собак при этом не наблюдалось.

А вот на ферганском течении реки Сыр, около кишлака Гурумсарай, разбросанные кости и цельные скелеты тел находились под низким сводом каменных плит. Окрестные люди считали захороненных в склепах правдивыми, *тубдорами*, то есть коренными жителями, из святой группы, широко известного рода *ходжа* или *худа*.

Следующее наблюдение было сделано по дороге в г. Ош. Там на площадке под навесом вдоль горной трассы орудовали двое людей: они собирали чистые кости, складывая их в мешок и глиняный ящик. «Здесь так прежде хоронили», — мимоходом прокомментировали увиденную сцену пассажиры автобуса, киргизы и сарты.

В другой раз примечательную картину пришлось наблюдать прямо в мусульманском мазаре, довольно новом и просторном. Там рядом были сложены четыре-пять тел разной степени разложения (времени захоронения). Это был мазар кишлака Сазаган пастдаргома. Подростки и дети сообщили, что хоронить в мазарах приходится тайно и смотреть на это запрещают. А некогда такой способ упокоения человека считали богоугодным и разумным.

О распространении такого обычая захоронения в районе Ташкентского оазиса свидетельствует археология: отмечаются следы *корумов* вокруг северо-восточной окраины оазиса. Есть и свидетельства о применении собак на дахма-холмах.

Разные взгляды на такие обычаи погребения и древних, и поздних периодов бывали основанием враждебных отношений между племенами. И сегодня сохраняется в той или иной степени древний способ захоронения, отличный от тюркского, арабско-мусульманского и других. Живы еще и огнеступление, и почитание неба и звезд, воздуха и воды, других сфер и образов природы. Мусульмане под арабскими именами поклоняются семи планетам, металлам и растениям, животным, к которым возводят различные виды деятельности. Просто теперь их почитают под видом святых. Отметим, что святые места расположены именно вокруг узловых селений всех регионов.

Следы культуры и культов предыдущих периодов сохраняются и сегодня в виде топонимов, в мужских организациях, в семейных обрядах и в разных моментах верований. Если взглянуть в них, можно прояснить некоторые загадки прошлого.

Итак, мы видим сложную цепочку превращения значений слова «сарт»: от узкого специализированного термина для обозначения особого рода профессиональной деятельности до полноценного этнонима, употребляемого наравне с прочими в отношении определенных этнических групп. Прозвище же, надолго прикрепившееся к названному народу, свидетельствует о прочной памяти, которую сохранили соседствующие с ним этносы о яркой особенности его древней культуры, следы которой пережили многие века. А магическое использование (в традициях народного лечения) чужеродного образа свидетельствует о бурных событиях этнической истории региона Средней Азии, эпохах и вражды, и мирного сосуществования. Было бы к общему благу, если бы люди всегда выбирали последнее...

Библиография

- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М., 1985.
Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия. История и культура. СПб., 2001.
История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977. Т. 1.
История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. 1.
Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954.
Тигрица и грифон. Сакральные символы животных мира / Подгот. текста, пер. и исслед. А.Г. Юрченко. СПб., 2000.

СБОРНИК
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

XLVIII

Ж - 373¹

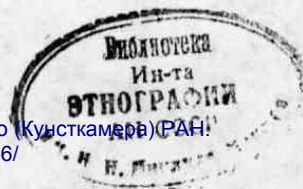
285 ЛЕТ ПЕТЕРБУРГСКОЙ КУНСТКАМЕРЕ

*Материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН,
посвященной 285-летию Кунсткамеры*

**Ответственный редактор
Ч.М. Таксами**

Санкт-Петербург
«Наука»
2000

Феномен реципрокности вполне репрезентативно описан как в своих горизонтальных (в пределах одного поколения), так и вертикальных (взаимность альтеров чередующихся поколений, генерационное скашивание и др.) вариантах, причем взаимные термины родства обозначают не столько альтеров, сколько само отношение между ними, т.е. родственное отношение. Поэтому, действительно, эго и альтер могут меняться местами или сливаться в одну категорию «альтерэго», когда значимость говорящего в вокативной подсистеме снижается или даже полностью исключается.

Для объяснения истоков реципрокности акцент, скорее, нужно сделать не на оппозиции «эгоцентричность—неэгоцентричность», а на противопоставлении эгоцентричности и социоцентричности, с которым, как представляется, и связано происхождение взаимной терминологии — как, например, отражение трансформации социоцентрических терминов (соционимов) в эгоцентрические.

Взаимные термины, как и текнонимы и имена по порядку рождения, не являются собственно терминами родства, а представляют собой некие лексические единицы, окказионально функционирующие в качестве терминов родства (вокативных или референтивных). По сути, это имена родства, которые наряду с автонимами (личными именами) служат целям непосредственной социальной идентификации.

Р.Я. Рассудова, А.А. Дубровина

Формы брачных связей среди оседлых ферганцев (XIX—XX вв.)

Оформление брачной связи является основой создания супружеской пары, становящейся семейно-хозяйственной единицей и в группе родственников, и в территориальной общине. Эти связи в масштабе Средней Азии и Казахстана исследованы советскими этнографами М.А. Бикжановой, Н.А. Кисляковым, Е.М. Пещеревой и др. На основе своих полевых материалов и литературы они рассмотрели этот вопрос, причем как по кочевникам, так и по земледельцам. Однако ряд аспектов брака и семьи остается неизученным, в том числе внеродственные связи, «военные» и «религиозные», временные браки, «незаконные», гостевые, групповые, многоженство и т.д. И именно Ферганская долина оказалась менее исследованной, по сравнению с другими регионами.

По учению ислама, как и зороастризма, каждый мужчина должен быть женатым, а каждая женщина — замужем. Создание семьи для приумножения потомства (в первую очередь), как и любая деятельность, не вредящая другому и

природе, считалось священным и обязательным. Иное состояние признавалось вредным для организма человека и для окружающих; бессемейных и бездетных опасались, изолировали их от себя и от дома, от общественных событий. Принимая отношения полов как залог нормальной здоровой жизни, все общество и каждый его член заинтересованно следили за исполнением обычаев и норм, причем с прицелом и на будущее.

Ферганская этногеография и соответствующая ей хозяйственная и социально-политическая деятельность обуславливали весь образ жизни людей, в том числе и разнообразие связей мужчин и женщин. Последние в Фергане различались по срокам заключения и оформления договора, по возрасту брачующихся, по числу вступления в брак, по организации свадебных церемоний и составу их участников. Настоящим законным браком все считали союз молодых *гуль а гуль* ('цветок к цветку, роза с розой'), т.е. обязательно девушки и юноши. Он заключался на всю жизнь, предпочтительно среди родственников. Договор составлялся при участии родителей, группы родственников и административных лиц. Свадьбу и супружескую пару материально обеспечивала вся семейно-родственная группа, а организацию и церемонии — вся территориальная община (земледельческая). Последнее и отражалось в обязательном использовании общественного котла *дош/кора/мачит козон*. Этот брак молодых *киз/никох туй* ('законный') практикуется до сих пор и, как и прежде, среди всех категорий ферганцев, в том числе и кочевников, окружающих долину, и полукочевников, перемежающихся с оседлыми сартами и таджиками. Нами выявлены системные взаимные обмены девушками-невестами между определенными родственными группами и кишлаками (число их 2—4). Их обозначение указывает на брачные связи по мужской линии обеих сторон (Ашт-ташкентский Пскент/Бэсткат, Ассак-Иштихан-Лоиш-Ахшак и др.).

Повторные браки, как и неравные (возрастные, социальные) чаще встречались в городах, среди сартов, таджиков и особенно ходжа; в селениях их не одобряли, и община не участвовала в церемониях. Основой же общественного признания и законности их остается чтение молитвы *никох* (во второй половине XX в. *никох* обязательно предваряется регистрацией в отделе ЗАГС) и свадебные церемонии, но весьма ограниченного цикла и числа участников. Многократные женитьбы (они аналогичны повторным по оформлению) общество не воспринимает негативно, особенно при отсутствии детей, и прежде всего сына. Нередко сами супруги соглашались (молчаливо, тайно) на неформальные внебрачные связи с многодетными людьми, что отмечается среди сартов, расселявшихся по всей долине, и таджиков, сосредоточенных по предгорьям вокруг долины. В тюркской среде, наряду с обычной законной формой, сохранялись, хотя и редко, «официально» не оформленные отношения многодетных мужчин и бездетных женщин (и наоборот). Подобные встречи, известные обществу, происходили в доме, в мехмонхона ('гостиной') и вне селения (последнее отмечено и в Самаркандской области М.С. Андреевым в 1922 г.); дети признавались законными мужьями

и женами и обществом в целом. Вступление в тайные от общества связи, нарушение законного брака, завершалось наказанием женщины: разводом *талак* и даже побиванием камнями (в городах), что одобрялось обществом.

Одновременное многоженство складывалось вследствие побед и поражений (издревле перемирия сопровождалось обязательными встречными браками воюющих сторон, между согдийцами, кангюйцами, тюрками, китайцами, *жанг киз*), торговой деятельности, особенно внешней, «жертвовании» дочери по обету служителям культа *назир киз*. Эти брачные связи практиковались среди административных (гражданских, военных, духовных) чиновников, крупных торговцев — в основном среди горожан и 'коренных' ферганцев — саид, ходжа, тура, а также среди состоятельной части населения — сартов, таджиков, реже тюрков.

Временные браки, заключавшиеся на краткий срок, основывались на формуле *сига/сега/сеха* ('влечение мужчины') и не считались законными: встречались они среди торговцев, городских таджиков, сартов (чаще на юге Средней Азии, далее в Иране).

В XX в. из традиционных оформлений браков сохраняется *киз/нихох туй* ('законное'), но с обязательной административной регистрацией. Остальные формы отношений, вследствие установления единобрачия, постепенно исчезают, заменяются «свободными», не контролируемые половыми связями (чаще в городах), в неродственной среде. Нередко они приводят к разрушению семьи, ухудшению здоровья, к генетическому вырождению населения, к проституции с тайными, а теперь и явными, притонами, с наркотиками. Подобное среднеазиатские народы, особенно ферганцы-хлопкоробы, переживали в конце XIX—начале XX в., что явилось одной из причин народного выступления за ликвидацию политического строя, низводившего людей до низменного состояния. Свободные современные отношения, как и прежде, называемые *зино*, *гар*, *жалаб*, осуждаются обществом, властью, религией.

Р. Р. Рахимов

**Правомерна ли постановка вопроса
о двоеверии женщин на Востоке?
(на примере реалий жизни и ментальности таджиков)**

В женской среде у современных таджиков существует представление о ненормальности (нежелательности) разжигания мужчинами огня в семейном очаге. Мотивируется это тем, что «с очага и казана (на нем) улетучивается